ПАМЯТНИКИ СТАРОСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА.
ТОМЪ I, ВЫП. 4-Й.

К. К. Грунскій.

ПРАЖСКІЕ
ГЛАГОЛИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

ИЗДАНІЕ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Библиотека ООН
Библиотека ГРУ МОР
470
46

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1905 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Изданія и изслѣдованія Пражскихъ Отрывковъ. Разборъ этихъ изданій и изслѣдованій 1
II. Текстъ Пражскихъ Отрывковъ и комментаріи къ нему 12
Снимки.

I.

Такъ называемые Пражскіе глаголическіе Отрывки (2 листа, содержащіе церк.-богосл. пѣснопѣнія по восточному обряду) были найдены въ 1855 г. проф. Гефлеромъ въ библіотекѣ Пражскаго митрополичьяго капитула. Они были очень крѣпко вклеены на внутренней сторонѣ переплета одной латинской рукописи. Проф. Гефлеръ передалъ свою находку Шафарику, которому пришлось немало потрудиться и для возможно сохраннаго выдѣленія вклеенныхъ листовъ, а затѣмъ надъ изданіемъ факсимиле и детальнымъ изслѣдованіемъ памятника.

Изданіе Пражскіе Отрывки вышло въ 1857 г. (Glagolitische Fragmente. Herausg. von Höfler und Šafařik. Aus den Abhandl. d. k. böhm. Ges. d. Wiss. V Folge. 10 B.). Введеніемъ служила статья проф. Гефлера (Vortrag über die Auffindung d. glag. Fr.), касавшаяся латинской рукописи; затѣмъ шло изслѣдованіе Шафарика, посвященное всестороннему изученію вновь найденнаго славянскаго памятника (Beleuchtung der glag. Fr.). Въ приложеніи было 5 таблицъ: 1) снимокъ съ 2 миніатюръ, находящихся на 1-мъ листѣ латинской рукописи; 2) synopsis alphabeti glagoliticі, въ которомъ Шафарикъ вывелъ буквенныя начертанія изъ вновь найденныхъ отрывковъ, Евангелія Ассеманова и позднѣйшей хорватской глаголицы; 3—5) факсимиле 3 страницъ отрывковъ (одна страница не была скопирована).

Латинскую рукопись Гефлеръ отнесъ къ XI вѣку; находились здѣсь, впрочемъ, и прибавки позднѣйшаго времени. Отвѣтить на вопросъ, когда была переплетена латинская рукопись, Гефлеръ затруднялся. Вниманіе Гефлера остановила особенно одна изъ миніатюръ: въ сюжетѣ ея онъ видѣлъ указаніе на историческій фактъ, стоявшій въ непосредственномъ отно-

шеніи къ возникновенію самой рукописи. По его мнѣнію, на этой миніатюрѣ былъ изображенъ чешскій князь Спитигнѣвъ II; противъ него какой-то монахъ, по всѣмъ даннымъ бенедиктинецъ; этотъ монахъ держитъ развернутую книгу, на которой написано dominus; книгу онъ получаетъ, по мнѣнію Гефлера, въ даръ отъ князя. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ фигуръ, на рисункѣ есть еще двѣ побочныя — воина и еще монаха. Спитигнѣвъ былъ покровителемъ латинскаго богослуженія, онъ изгналъ славянскихъ монаховъ изъ Сазавы, и къ нему, по Гефлеру, вполнѣ могла относиться надпись на рисункѣ: Si parum dabit, munus votum superabit (это выраженіе Гефлеръ произвольно толкуетъ такъ: wenn er auch jetz wenig gab, so wird das Geschenk (des lateinischen Klosters) den Wunsch der Mönche noch übertreffen, 10). Я не буду подробно разсматривать соображенія Гефлера: затронутые имъ вопросы не представляются въ непосредственной связи съ изученіемъ Пражскихъ Отрывковъ, а замѣчу лишь слѣдующее. Композиція рисунка такова, что даетъ поводъ дѣлать заключенія, не одинаковыя съ тѣми, которыя находимъ у Гефлера. Мнѣ, напримѣръ, кажется, что и положеніе всѣхъ изображенныхъ здѣсь лицъ таково, что скорѣе даетъ поводъ видѣть въ первомъ монахѣ не одаряемаго, а приносящаго даръ. Тогда и значеніе надписи нѣсколько измѣнится. Трудно также говорить здѣсь съ *полной* увѣренностью о Спитигнѣвѣ, беря во вниманіе изображенную митру, которая, по мнѣнію Гефлера, должна была быть именно митрой, подаренной папой Николаемъ II: весь рисунокъ носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды византійскаго стиля, такимъ образомъ онъ не можетъ быть признанъ лишь отраженіемъ историческаго факта.

Изслѣдованіе Шафарика является до сихъ поръ единственнымъ спеціально посвященнымъ Пражскимъ Отрывкамъ: позже никто не останавливался такъ подробно на этомъ памятникѣ, или, вѣрнѣе, этихъ памятникахъ. Послѣ небольшого вступленія, въ которомъ Шафарикъ останавливается и на латинской рукописи, повторяя отчасти наблюденія Гефлера, начинается детальное изслѣдованіе Пражскихъ Отрывковъ. Шафарикъ подробно останавливается на пергаменѣ, на чернилахъ, которыми были писаны отрывки, затѣмъ переходитъ къ содержанію — даетъ чтеніе отрывковъ глаголической, кирилловской и латинской азбуками, сообщаетъ нѣкоторыя параллельныя мѣста изъ другихъ славянскихъ рукописей и греческаго текста, свои соображенія относительно уничтоженнаго первоначальнаго текста на первомъ листѣ, затѣмъ разбираетъ вопросы орѳографіи, грамматическія формы и

въ заключеніе вопросъ о родинѣ и времени возникновенія Пражскихъ Отрывковъ.

Родиной Пражскихъ Отрывковъ Шафарикъ считалъ «чешско- и моравско-паннонскую» область. Точнѣе онъ не рѣшался опредѣлять и хотя указывалъ признаки словацкаго вліянія, но въ виду незначительности этихъ признаковъ (главнымъ образомъ — та вмѣсто тѣ, словацкое *t'a*) не придавалъ имъ рѣшающаго значенія. Возникновеніе памятника Шафарикъ отнесъ къ 862—950 г.; вклеены же были листы въ переплетъ, по его мнѣнію, въ XII—XIII в., въ то время, когда листы эти пришли уже въ довольно ветхое состояніе.

Шафарикъ сумѣлъ опредѣлить нѣкоторыя черты древности Пражскихъ Отрывковъ, не находившіяся въ другихъ извѣстныхъ въ то время глаголическихъ памятникахъ, но зато эту древность Пражскихъ Отрывковъ въ *нѣкоторомъ* отношеніи онъ перенесъ на всѣ почти черты и впалъ такимъ образомъ въ крупную *общую* ошибку. Въ своихъ доказательствахъ глубокой древности Пражскихъ Отрывковъ онъ пользовался даже указаніемъ на неправильности грамматическія, непослѣдовательность въ орѳографіи, говорящія, по его мнѣнію, именно о неустановленности въ письменности *первой* поры. Вообще, въ ходѣ доказательствъ Шафарика мы видимъ своего рода научное увлеченіе. И въ частичномъ анализѣ Пражскихъ Отрывковъ—палеографіи и языка мы также можемъ отмѣтить нерѣдко ошибочныя объясненія Шафарика.

Сравнивая факсимиле 3 страницъ съ оригиналомъ, мы можемъ убѣдиться, что факсимиле это не совсѣмъ точно воспроизводитъ послѣдній. Обвинять за это Шафарика, конечно, нельзя: нужно помнить, какъ трудно было сдѣлать факсимиле съ полуиспорченныхъ уже отрывковъ. Самъ Шафарикъ говоритъ о томъ трудѣ, который потребовался отъ него въ этомъ случаѣ, и замѣчаетъ вполнѣ справедливо, что требовать бо́льшаго—значитъ требовать невозможнаго. Сличеніе факсимиле съ рукописями даетъ возможность замѣтить разницу какъ въ частностяхъ (въ начертаніяхъ отдѣльныхъ буквъ), такъ и въ общемъ фонѣ, который представляется разнымъ на разныхъ страницахъ. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, сличивъ факсимиле Шафарика съ прилагаемыми здѣсь фототипическими снимками, передающими очень хорошо подлинникъ. При первомъ взглядѣ можетъ показаться, что фототипіи неясны, на самомъ же дѣлѣ такими неясными представляются и страницы рукописей. Правда, рукописи въ настоящее время не имѣютъ

вполнѣ такого вида, какъ при открытіи (несмотря на всѣ усилія сохранить ихъ: вскорѣ послѣ открытія листы были заключены между стеклами, наглухо запаянными), при чемъ тогда производились извѣстнаго рода химическія воздѣйствія, заставившія проясниться на время нѣкоторыя мѣста, но, во всякомъ случаѣ, изъ словъ самого же Шафарика выходитъ, что и въ его время Пражскіе Отрывки не имѣли такого вида, какой можно создать себѣ на основаніи факсимиле.

Затѣмъ — о таблицѣ, гдѣ выведены начертанія глаголическаго алфавита на основаніи Пражскихъ Отрывковъ, Ассеманова Евангелія и хорватской глаголицы, можно сказать, что иной разъ слѣдовало бы ввести бо́льшее количество начертаній изъ Пражскихъ Отрывковъ, не ограничиваясь однимъ, такъ какъ одно, приводимое Шафарикомъ, не является иногда типическимъ. При этомъ нужно было принимать во вниманіе и разницу въ почеркахъ перваго листа (начертаніями первой страницы этого листа, не изданной въ факсимиле, Шафарикъ и не пользуется).

Несмотря на всѣ указанные недостатки, сильно подрывающіе, конечно, значеніе труда Шафарика, особенно для настоящаго времени, въ трудѣ этомъ есть и такія стороны, которыя навсегда останутся цѣнными. Это — возстановленіе, насколько возможно, текста отрывковъ и въ транскрипціи, и въ факсимиле. Теперь сдѣлать это было бы гораздо труднѣе, а для нѣкоторыхъ мѣстъ даже совершенно невозможно, такъ какъ нѣкоторыхъ буквъ уже слѣдовъ нѣтъ. Да и самъ Шафарикъ сознается, что выполнить эту работу онъ могъ только при помощи родственныхъ текстовъ, при чемъ, замѣтимъ, нѣкоторыя буквы *возстановлялись имъ гадательно* (что должно было отразиться отрицательно и на факсимиле). Цѣнными являются и приводимыя параллели, правда, въ большинствѣ сообщенныя русскими учеными.

Шафарикъ вернулся къ Пражскимъ Отрывкамъ въ другомъ своемъ изслѣдованіи, вскорѣ вышедшемъ — Ueber d. Ursprung und d. Heimath d. Glagolitismus. Pr. 58 г. (Ср. русск. переводъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. 60 г., IV). Пражскими Отрывками Шафарикъ пользуется здѣсь для доказательства древности глаголицы предъ кириллицей. Написаніе Пражскихъ Отрывковъ онъ относитъ уже ко времени молодости св. Вячеслава (умершаго въ 935 г.), т. е. ко второй четверти X столѣтія (см. 11 стр. указ. перевода), при чемъ доказательствъ своей мысли не приводитъ.

Еще до изданія Пражскихъ Отрывковъ Шафарикъ обращался съ просьбой къ нѣкоторымъ русскимъ ученымъ объ указаніи параллельныхъ

мѣстъ изъ древ.-ц.-слав. рукописей, хранящихся въ Россіи. Съ этой цѣлью онъ сообщилъ имъ часть прочитаннаго (1 листъ). На основаніи этого сообщенія Срезневскій сдѣлалъ докладъ въ засѣданіи Академіи Наукъ и напечаталъ въ академическихъ Извѣстіяхъ присланное Шафарикомъ съ небольшими своими замѣчаніями (Изв. 2 Отд., т. V, 48—50). Очевидно, Шафарикъ прочелъ первоначально текстъ невѣрно, такъ какъ въ напечатанномъ Срезневскимъ, а также Бодянскимъ (Русск. Вѣстн., 56 г., февраль, кн. 1) довольно одинаковыхъ неточностей.

Уже по выходѣ изданія Пражскихъ Отрывковъ Срезневскій подробнѣе остановился на новооткрытыхъ рукописяхъ въ тѣхъ же академическихъ Извѣстіяхъ (VI, 171—9; ср. перепеч. позже «Древніе глаголическіе памятники». Спб., 66 г., 33—56). Здѣсь онъ привелъ нѣкоторыя параллели изъ другихъ др.-ц.-слав. памятниковъ, отмѣтилъ разницу въ текстѣ Пражскихъ Отрывковъ и этихъ параллелей, разницу въ содержаніи службы, затѣмъ остановился на языкѣ Пражскихъ Отрывковъ. Срезневскій неточно передалъ выводы небольшого изслѣдованія Гефлера. Передавая текстъ Пражскихъ Отрывковъ, онъ допустилъ нѣкоторыя отличія отъ изданія Шафарика, чисто формальнаго характера (напримѣръ, ѥ замѣнилъ ѧ, ѩ — ѧ, ꙋ — і, ѳ — и). Вмѣсто скобокъ, употребленныхъ Шафарикомъ для показанія, что данныхъ буквъ нѣтъ, скобокъ, рельефно выдѣлявшихъ эти мѣста, Срезневскій употребилъ курсивъ, болѣе удобный въ смыслѣ облегченія печатанія, но не въ смыслѣ рельефности. И въ изданіи Срезневскаго мы отмѣчаемъ рядъ неточностей (такъ, напримѣръ, вмѣсто (т)ж II 14 — примѣръ очень важный — у Срезневскаго тж; вмѣсто ѣко I а 4 — ꙗко; вмѣсто вѣръ I об. 21 — вѣры; послѣдній примѣръ, очевидно, произвольно возстановленъ вмѣсто ошибочнаго написанія памятника).

Срезневскій, основываясь на данныхъ языка Пражскихъ Отрывковъ, приходитъ къ заключенію, что подлинникъ Пражскихъ Отрывковъ былъ написанъ на чистомъ старо-славянскомъ языкѣ «и потомъ переписанъ моравцемъ или чехомъ или же только части его были переписаны съ измѣненіями, а другія составлены въ Моравіи и Чешской землѣ» (176). Относительно времени возникновенія Пражскихъ Отрывковъ Срезневскій затруднялся высказаться вполнѣ опредѣленно, а лишь съ вѣроятностью относилъ ихъ къ XI—XII в., не соглашаясь такимъ образомъ съ Шафарикомъ. Въ подробную, впрочемъ, мотивировку высказанныхъ своихъ мнѣній Срезневскій не входилъ.

Цѣнность статьи Срезневскаго заключается главнымъ образомъ въ тѣхъ параллеляхъ, которыя онъ привелъ къ Пражскимъ Отрывкамъ изъ Стихираря XI в., Новгородской Софійской библіотеки и Тріоди Саввы Грьцина XIII в. той же библіотеки.

Какъ я сказалъ, часть Пражскихъ Отрывковъ въ неточной передачѣ была напечатана и Бодянскимъ въ статьѣ «Новыя открытія въ области глаголицы». Въ статьѣ этой, разсматривавшей и другія открытія (хорватской глаголицы), затронутъ былъ главнымъ образомъ такъ интересовавшій Бодянскаго вопросъ объ отношеніи глаголицы и кириллицы, и на Пражскихъ Отрывкахъ по существу Бодянскій остановился лишь слегка. Онъ передалъ, между прочимъ, въ переводѣ изложеніе рефератовъ, читанныхъ о Пражскихъ Отрывкахъ Гефлеромъ и Шафарикомъ въ Засѣд. Филол. Отдѣл. Чешск. Корол. Общества Наукъ вскорѣ послѣ открытія памятниковъ (это изложеніе рефератовъ, въ которомъ уже намѣчены были общія положенія, легшія въ основу изслѣдованій Гефлера и Шафарика, было помѣщено въ Prag. Zeitung, 1855 г., № 299, и затѣмъ перепечатано при изданіи Пражскихъ Отрывковъ).

Въ 1877 г. Макушевъ въ своей статьѣ «Изъ чтеній о старочешской письменности» (Фил. Зап., 77 г., IV) остановился на Пражскихъ Отрывкахъ (15—22). Здѣсь Макушевъ главнымъ образомъ оспариваетъ мнѣнія Срезневскаго. По Макушеву, первоначальный текстъ Пражскихъ Отрывковъ возникъ въ XIII в. и затѣмъ былъ переписанъ чехомъ въ XIV столѣтіи. Такимъ образомъ, въ настоящемъ своемъ видѣ Пражскіе Отрывки относятся именно къ XIV столѣтію. До XIV в. трудно предполагать возможность возникновенія подобныхъ памятниковъ въ Чехіи. Въ 1347 г., какъ извѣстно, Карломъ IV были призваны монахи-глаголиты изъ Далмаціи. Они-то и привезли съ собою сербо-хорватскій списокъ XIII в., который и былъ въ Прагѣ переписанъ. Подобныя мысли могъ высказывать Макушевъ лишь потому, что не зналъ хорватской глаголицы съ одной стороны, а затѣмъ не зналъ и тѣхъ памятниковъ, которые, дѣйствительно, были переписаны въ Чехіи[1]) съ этихъ хорватскихъ подлинниковъ. Въ возраженіяхъ

1) Въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ въ Прагѣ сохранились отрывки разныхъ глаголическихъ рукописей, которые даютъ возможность построить особую редакцію хорватско-чешской глаголицы XIV столѣтія. Здѣсь мы видимъ вліяніе латино-чешской орѳографіи въ такихъ случаяхъ, какъ передача rz — *рз* (*рзимки* и пр.), въ передачѣ часто употребляшагося j — ѣ (напримѣръ, ѣмаѣи, ѣини и пр.), и затѣмъ вліяніе языка — проникновеніе многихъ формъ языка.

Макушева Срезневскому, въ его частной характеристикѣ языка памятника мы можемъ подмѣтить иногда большія странности: такъ, написанія ѣко, їѣна, кѧѣ, велиѣ и пр., гдѣ ѣ выступаетъ вмѣсто ꙗ, Макушевъ считалъ признакомъ недревности памятниковъ; въ словѣ съмѣренимъ Макушевъ видѣлъ *сербизмъ* (смѣшеніе ѣ и и, по Макушеву вмѣсто съмиренимъ); онъ же говоритъ о какомъ-то смѣшеніи носовыхъ въ Пражскихъ Отрывкахъ на основаніи несуществующаго примѣра ѫдроѫ вмѣсто ѧдроѫ.

Съ мнѣніемъ Макушева относительно времени возникновенія Пражскихъ Отрывковъ согласился и Воскресенскій въ своемъ трудѣ «Древній слав. переводъ Апостола». М., 79 г. (прим. 2-е, на стр. 148).

Въ своихъ Altslovenische Studien (Sitzungsberichte d. phil.-hist. Cl. d. K. Akademie d. Wiss. in Wien, 122 B.) Вондракъ посвятилъ нѣсколько страницъ (75—81) Пражскимъ Отрывкамъ. Вондракъ касается здѣсь также лексическаго состава Пражскихъ Отрывковъ. На основаніи словъ съборъ, распѧни, затѣмъ формъ обличатъ (вмѣсто обличаетъ), тѫ (вмѣсто тѧ) и стяженныхъ формъ прилагательныхъ Вондракъ говоритъ о первоначальной болгарской основѣ отрывковъ. Задаваясь вопросомъ, гдѣ написаны Пражскіе Отрывки, Вондракъ отвѣчаетъ: гдѣ-либо въ Паннонiи (въ обширномъ значеніи этого термина), въ какомъ-либо монастырѣ, но языкомъ не паннонскихъ славянъ, а другимъ, нѣсколько чуждымъ, удержавшимъ нѣкоторыя свои особенности, но и воспринявшимъ особенности языка писавшихъ. «Богемизмы» Пражскихъ Отрывковъ Вондракъ сравниваетъ съ слабыми признаками того же въ Мар. Ев., Клоц. Сборникѣ. Говоря о полной невозможности возникновенія Пражскихъ Отрывковъ въ Чехіи въ XI столѣтіи, онъ отодвигаетъ ихъ такимъ образомъ болѣе вглубь, приближаясь къ мысли, высказанной Шафарикомъ.

Въ критикѣ на статью Вондрака Облакъ (Zur Würdigung des Altslovenischen, Archiv für sl. Phil., XV) указываетъ (358—9) на преувеличеніе Вондракомъ древности Пражскихъ Отрывковъ и съ своей стороны высказываетъ догадку (о чемъ мимоходомъ онъ и раньше говорилъ, Archiv XIII, 247), что Пражскіе Отрывки возникли въ Словачинѣ, благодаря оживленію здѣсь славянской письменности подъ вліяніемъ новой редакціи болгарской письменности, проникшей сюда черезъ сѣверную Болгарію и Дакію. Облакъ относилъ Пражскіе Отрывки самое бо́льшее къ XI в. (367), и о Чехіи, какъ родинѣ этихъ памятниковъ, онъ не могъ думать, такъ какъ не допускалъ возможности существованія здѣсь въ то время восточнаго обряда.

Критика Облака въ этомъ случаѣ не совсѣмъ полно выставила слабыя стороны замѣчаній Вондрака. Въ этихъ замѣчаніяхъ обнаруживается и непослѣдовательность, и извѣстнаго рода неясность. Уже одно то, что Вондракъ сравниваетъ данныя Пражскихъ Отрывковъ съ нѣкоторыми данными Мар. Ев., Клоц. Сб., говоритъ какъ бы о томъ, что въ основѣ Пражскихъ Отрывковъ первоначально образовавшійся литературный языкъ славянъ, но затѣмъ указаніе Вондрака на такіе случаи, какъ мѣна носовыхъ гласныхъ, характеризующая позднѣйшую сравнительно эпоху болгарской письменности, уже подрываетъ въ основѣ его предыдущія замѣчанія. Затѣмъ, и опираться на такомъ примѣрѣ, какъ (т)ж, по моему, вовсе нельзя: въ рукописи нѣтъ т, а только ж, при чемъ и мѣста для т нѣтъ согласно другимъ строчкамъ. Такимъ образомъ мы не имѣемъ права добавлять это т, какъ сдѣлалъ еще Шафарикъ сообразно со смысломъ; а если и добавляемъ, то не можемъ говорить здѣсь о *звуковомъ* измѣненіи: это — непонятое и неправильно написанное слово. Соображенія Вондрака относительно «болгаризма» **распѧти** и «паннонизма» **пропѧти** вполнѣ опровергаетъ и самъ 2-й отрывокъ, гдѣ встрѣчаются та и другая форма, а затѣмъ и другіе древне-церк.-слав. памятники. Форму **обличатъ** Вондракъ объясняетъ изъ **обличаетъ** уподобленіемъ **є — а** и стяженіемъ получившихся **аа**; въ этомъ случаѣ онъ соглашается съ мнѣніемъ Ягича (Мар. Ев., 443—4), думающаго, что въ такихъ примѣрахъ Мар. Ев., какъ **прѣвыкаатъ** и пр., уподобленіе могло произойти скорѣе еще потому, что **тъ**, по всей вѣроятности, не произносилось, а удерживалось въ письмѣ по традиціи. Если бы и было такъ (хотя и во 2-мъ лицѣ множ. ч. встрѣчается **аате**, гдѣ ужъ нельзя говорить объ отпаденіи **тє**), то во всякомъ случаѣ подобныя формы являются въ др.-ц.-сл. памятникахъ какъ извѣстнаго рода исключеніе; эти формы не характерны для первоначальнаго литературнаго языка, спрашивается, почему онѣ въ такомъ случаѣ могли попасть въ Пражскіе Отрывки.

Неудивительно, что Вондракъ, нѣсколько позже коснувшись вскользь Пражскихъ Отрывковъ въ другой своей статьѣ, Zur Würdigung d. altsloven. Wenzelslegende und d. Legende vom heil. Prokop (Sitzungsber. W. Ak., 127 B, s. 41, 42, 45), измѣняетъ свой прежній взглядъ: Пражскіе Отрывки относитъ къ XI или XII в. Онъ говоритъ здѣсь о проникновеніи памятника изъ Болгаріи прежде всего въ прикарпатскія области, отсюда уже была возможность попасть и въ Чехію, хотя въ Чехіи этотъ памятникъ въ силу своего восточнаго обряда не долженъ былъ быть въ употребленіи.

Эти новыя соображенія Вондрака были подвергнуты позже критикѣ Ягичемъ (Zur Enstehungsgesch. d. kirchensl. Sprache I—II. 1900). Ягичъ указываетъ на произвольность въ объясненіяхъ Вондрака (I, 57). Самъ Ягичъ видитъ въ Пражскихъ Отрывкахъ памятникъ съ основой болгаро-русской, но возникшій въ западно-русскихъ областяхъ и отсюда проникшій въ Чехію, при чемъ ставитъ это въ связь съ близкими сношеніями сазавскихъ монаховъ съ западомъ Руси (ibid.). Снова говоря о Пражскихъ Отрывкахъ (II, 60), Ягичъ относитъ ихъ къ сѣверо-восточной Панноніи: не выводитъ ихъ непосредственно изъ Болгаріи, а ставитъ въ связь съ Паннонской письменностью, именно съ новой редакціей этой письменности, которая, по его предположенію, могла возникнуть въ восточной Панноніи и Дакіи.

Я уже сказалъ о воззрѣніяхъ Облака на Пражскіе Отрывки, выразившихся въ его критикѣ на статью Вондрака. Эти воззрѣнія были имъ болѣе развиты въ другой статьѣ, написанной по поводу статьи Пастернка Starobylé dz ve slovenských nařečích (Čas. M. Kr. Č. 94 г., 68—73).

Пастернекъ указываетъ, что въ Пражскихъ Отрывкахъ какъ смягченіе *д* (d+j) выступаетъ *з*, а не *дз* (зѣло). Такъ какъ смягченіе d+j въ словацкомъ даетъ *дз*, то слѣдовательно мы и не можемъ говорить, что Пражскіе Отрывки написаны на словацкой почвѣ. Вотъ главное положеніе въ статьѣ Пастернка. Возражая (Zur Provenienz d. Kijewer und Prager Fragmente. Arch. f. sl. Ph., XVIII), Облакъ указываетъ на то, что *зѣло* въ памятникахъ др.-ц.-славянскихъ употребляется далеко непослѣдовательно. По его мнѣнію, въ употребленіи этой буквы сказывалась лишь извѣстная графическая система, традиція. Мнѣ кажется, Облаку не удалось вполнѣ опровергнуть этимъ указаніемъ положеніе Пастернка, потому что нельзя сравнивать употребленіе *зѣло* въ др.-ц.-слав. памятникахъ съ тѣми случаями, о которыхъ говоритъ Пастернекъ, примѣняясь къ Пражскимъ Отрывкамъ. Затѣмъ: главная особенность Пражскихъ Отрывковъ, «рѣшительно» указывающая, по Облаку, на Словачину какъ на родину памятника, есть **та** вмѣсто **тѣ** (110). Я думаю, что нельзя такъ опираться на эту форму, что эта форма можетъ быть свободно объяснена совершенно иначе: фраза **кѣ та къзни (и)юдо** (II, 20) можетъ, кажется, дать поводъ думать, что **тѣ** (та) за раздѣленіемъ отъ слова **юдо** было осмыслено со словомъ **къзни** и не является такимъ образомъ уже мѣстоименіемъ личнымъ. Къ этому заставляетъ склоняться и то обстоятельство, что въ памятникѣ

нѣсколько разъ попадается правильное написаніе мѣстоименія **тьѧ**. Насколько осторожно нужно относиться къ формѣ **тѧ**, указываетъ отношеніе нѣкоторыхъ ученыхъ къ формѣ (**т**)**ж**. Облакъ придаетъ особенное значеніе, какъ указателю на словацкое происхожденіе памятника, восточному его обряду; въ этомъ случаѣ не безъ основанія ослаблялъ это значеніе Ягичъ, критикуя положенія Вондрака. Сама теорія Облака о распространеніи образовавшейся болгарской редакціи черезъ древнюю Дакію въ земли словаковъ отличается сильной гипотетичностью и не имѣетъ подъ собой пока никакихъ почти доказательствъ. Укажу еще, что мнѣніе Облака, что преобладаніе **ъ** въ Пражскихъ Отрывкахъ объясняется вліяніемъ южно-славянскихъ памятниковъ, вызвало вполнѣ справедливое несогласіе со стороны Соболевскаго (Гдѣ написаны Кіевскіе Отрывки, Вѣстникъ Арх. и Исторіи, 98 г.), отнесшаго это преобладаніе къ мѣстной чешской почвѣ.

Нѣсколько обособленно стоятъ мнѣнія о Пражскихъ Отрывкахъ Гейтлера и Будиловича, не обставленныя никакими доказательствами. Гейтлеръ (Die alban. und slav. Schriften, 153; при этомъ трудѣ была издана 1 страница Пражскихъ Отрывковъ фототипически[1])) выводилъ Пражскіе Отрывки изъ Македоніи; Будиловичъ говорилъ о приадріатической родинѣ Пражскихъ Отрывковъ, при чемъ думалъ, что писавшимъ былъ чехъ или словакъ (Общеслав. яз. II, 89).

Изъ этого обзора мы могли убѣдиться, насколько разнорѣчивы мнѣнія, высказанныя о Пражскихъ Отрывкахъ, насколько мнѣнія эти отличаются гипотетичностью, чисто личными домыслами ихъ авторовъ.

Пражскіе Отрывки ставятся обыкновенно на ряду съ Кіевскими глаголическими Листками. Оба памятника считаются нѣкоторыми учеными будто бы одинаковыми представителями такъ называемой западно-славянской редакціи. Если всмотрѣться глубже, то намъ кажется, нельзя сопоставлять такъ эти памятники, нельзя ихъ совершенно сблизить, считая возникшими почти въ одно и то же время, или отдѣлить какимъ-либо столѣтіемъ. Въ особенностяхъ палеографіи и языка данныхъ памятниковъ можно найти указаніе на разницу въ исторіи возникновенія того и другого памятника. Въ языкѣ Пражскихъ Отрывковъ не найдемъ такой цѣльности, какъ въ Кіевскихъ Листкахъ. Будемъ ли мы считать Кіевскіе Листки памятникомъ отдѣльнаго какого-то нарѣчія или памятникомъ, въ которомъ лишь отдѣль-

1) Эта же страница фототипически издана въ Chrámový poklad u sv. Vita v Praze, 1903.

ныя черты намѣренно измѣнены (такъ какъ ненамѣренное измѣненіе не могло сказаться такъ послѣдовательно лишь въ одной чертѣ), мы все равно не можемъ поставить ихъ на одну линію съ Пражскими Отрывками, представляющими извѣстнаго рода неустановленность, разныя наслоенія въ языкѣ. Сравненіе Пражскихъ Отрывковъ и Кіевскихъ Листковъ со стороны языка и особенно также со стороны палеографіи укажетъ намъ, правда, на несомнѣнныя точки соприкосновенія этихъ памятниковъ: въ Пражскихъ Отрывкахъ мы замѣтимъ какъ бы «обломки» того, что такъ цѣльно и послѣдовательно проводилось въ Кіевскихъ Листкахъ.

II.

Издавая снова текстъ Пражскихъ Отрывковъ, мы вносимъ нѣкоторыя отличія отъ изданія Шафарика: дѣлаемъ незначительныя поправки и дополненія; выбрасываемъ то, что возстановлялось Шафарикомъ по догадкѣ; курсивнымъ шрифтомъ печатаемъ то, что утрачено уже въ настоящее время въ рукописяхъ, а сохранялось при открытіи (пользуясь въ этомъ случаѣ указаніями Шафарика).

I.

1. **В' СВѢТЇЛЪНѢ:**
2. **Слов** ъ ер
3. овет зѣ г҃и
4. с оунъ съ *нко* в
5. *пр*ѣвл п оп *аною*
6. твар об'*н* слов с м
7. **НА ПРѢПОЛ*ОВЛЕ*НИЄ: СВѢ'И**
8. **Отъ** *живонос'ниχ'* и во ъ
9. *п* ис от оу*ц* *хѣ по пъни* *ед*
10. м **боудет** *въ* вотъ
11. ъ *ч'никъ* **человко** *бъче:*
12. **СВѢТ** *Л'НА:* **НА ПРѢОБР*А***
13. **Прѣобрази** сѧ на горѣ χ҃ѣ бѣ *показавъ*
14. оученикомъ *своимъ* воу
15. нѣмоу въ свѣтѣлѣ облацѣ мѣ г҃и
16. дχ҃м и мъ: *модлитвами* ѣ б҃

17. сп҃си дш҃а наша **СВ҃Ѣ ВШ҃ЕХ' СТ҃Х'**
18. Хвалоу т моу ва своро*у*
19. изволенїци б҃о нб҃а мали и вели
20. ци: ѣко цѣсаритъ гь б҃ъ нашъ: радоу*е*
21. мъ сѧ *и* веселим'сѧ дадим' славоу б҃оу:
22. **СВѢТИЛ'НѦ СЛѢПОЛІОѲ:** ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘
23. **ОѲм'нъи** мои очи ослѣпъноу҃ѣши г҃и: отъ м'но
24. *г* грѣха: тъи *и* просвосвѣти: и ви [1])
25. *с*грѣши отими: съмѣренимъ
26. омъи слъзами моими: ˘ ˘ ˘ ˘ ˘
27. **СВѢТИЛ': НѦ ВЪЗНОШЕНІЕ:** ˘ ˘ ˘
28. **Възнесе** ѧ *къ* отъц*оу* своемоу: рад
29. ъ оученикомъ славою

Пунктиръ, разставленный у Шафарика, невѣрно передаетъ разстояніе словъ; такъ, напримѣръ, особенно это сказалось въ 3 стр., гдѣ *зъ* разъединено точками. Вообще же вполнѣ точная разстановка словъ или особенно буквъ является даже почти невозможной при печатаніи, притомъ же слова транскрибируются иначе, чѣмъ то находимъ въ рукописи при scriptio continua.

Въ транскрипціи у Шафарика замѣчаемъ слѣдующія отличія отъ нашего чтенія: строки — 4: нѣтъ *с*, которое стоитъ нѣсколько сбоку сравнительно съ другими строками; 5—вмѣсто *оп—п*; 6—пѣтъ *с*; 15—вмѣсто *иѣмоу—сѣмоу*; 18—нѣтъ *т*; 19—вмѣсто нба—нб҃; 20—нѣтъ *г*.

Многія буквы приходится возстановлять, смотря въ лупу; иныя буквы, слѣды которыхъ не даютъ возможности въ точности ихъ опредѣлить, приходится оставлять невозстановленными.

Подъ прочитаннымъ текстомъ замѣтны слѣды другого письма, тоже глаголическаго, стертаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ясно выступаютъ слѣды буквъ. Такъ: стр. 15—надъ ѧ видны слѣды *оу* (а не *о*, какъ думалъ Шафарикъ; на *оу* указываетъ виднѣющаяся вторая часть буквы); 19 — надъ *л* (вели)—*ѣ*; 25—*ї* надъ *з* (съмѣренимъ); 27—сбоку строки *о* (то же сбоку 4-й стр., но, принимая во вниманіе характеръ написанія этой буквы, скорѣе можно отнести ее къ позднѣйшему тексту); 28—ѧб (скорѣе, чѣмъ *еб*, какъ

1) Очевидно, вмѣсто *просвѣти*.

думалъ Шафарикъ, такъ какъ фигура первой буквы состоитъ изъ двухъ частей) и наконецъ подъ 29 стр. ѕ (зѣло).

Стертое письмо крупнѣе, чѣмъ строчное письмо позднѣйшаго текста, и менѣе заголовочныхъ буквъ этого послѣдняго, о характерѣ же его трудно говорить за слишкомъ малымъ числомъ данныхъ.

Изученіе этой страницы со стороны палеографіи и данныхъ языка показываетъ, что здѣсь сохранились остатки глубокой старины, но сохранились уже несистематично.

Въ письмѣ этой страницы буквы довольно изящны и небольшой сравнительно величины (строчныя). Среди буквъ мы находимъ нѣсколько видоизмѣняющихся по характеру написанія.

Такъ: *т* занимаетъ меньше пространства, чѣмъ другія буквы, такъ какъ концы этой буквы не доходятъ до строчки; есть, правда, написанія, приближающіяся къ позднѣйшему типу, когда *т* заполняло все пространство; начертаніе *ш* уже уравнялось по занимаемому пространству съ другими буквами, потерявъ свой прежній характеръ, когда оно, какъ и *т*, писалось до половины строчки; имѣются написанія большого *н*, отличающіяся отъ написанія малаго тѣмъ, что верхняя горизонтальная черта не сливается съ полукруглой линіей, не являясь такимъ образомъ ея продолженіемъ, какъ въ упрощенномъ начертаніи малаго *н*; *л* сохраняетъ древнюю форму: пишется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ двумя пріемами съ тремя отдѣльными кружками; кружки въ *ѳ* и *о* не сливаются; начертаніе *оу* состоитъ изъ двухъ *о*, что наблюдаемъ спорадически и въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ, но есть и написаніе по характеру своему позднѣйшее — слившееся и съ черточкой; *е* имѣетъ двѣ поперечныя черточки; начертаніе ѩ очень близко къ древнѣйшему (особенно на 15 строкѣ).

Если въ палеографіи данной страницы мы находимъ несомнѣнныя черты глубокой древности, то орѳографія и языкъ говорятъ нѣсколько объ иномъ.

Одинъ разъ употреблено здѣсь ї—**свѣтїлънѣ**, на ряду съ написаніями съ **и**—**свѣтилꙗ**. Такимъ образомъ, чутье къ употребленію этой буквы уже исчезло. Начертанія **і** совсѣмъ нѣтъ. Эта черта — отсутствіе **і**, употребленіе одинъ разъ ї, притомъ въ заглавныхъ буквахъ, кажется намъ очень характерной и важной при опредѣленіи древности написанія памятника. Мы, кажется, здѣсь можемъ провести нѣкоторую аналогію съ тѣмъ, что нахо-

димъ въ хорватскихъ глаголическихъ миссалахъ: тамъ тоже спорадически встрѣчается ї какъ заглавная буква, і — отсутствуетъ.

Глухіе звуки писавшимъ не различались. Если и вѣрна наша вставка *ѣ*, то, во всякомъ случаѣ, это слово, скорѣе, указываетъ на болѣе правильную постановку ъ и ь въ *оригиналѣ*. Эта вставка важна въ томъ отношеніи, что даетъ возможность установить бо́льшую связь со второй страницей, гдѣ видимъ употребленіе ъ и ь. Такимъ образомъ, на первой страницѣ мы видимъ *почти* исключительное употребленіе ъ или же замѣну глухого звука апострофомъ, при чемъ одинъ разъ этотъ апострофъ имѣетъ начертаніе, обращенное въ обратную сторону сравнительно съ начертаніемъ обыкновеннымъ.

Іотированный узкій носовой гласный ставится здѣсь послѣ согласныхъ, какъ сѩ, но, съ другой стороны, нашѧ—неіотированный (называемъ такъ: іотированный и неіотированный по тому значенію, которое приняло начертаніе глаголическаго ѧ въ большинствѣ древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ). Правда, постановку глаголическаго начертанія соотвѣтственно кирилловскому ѩ мы находимъ послѣ согласныхъ, напримѣръ, въ Кіевскихъ Листкахъ, но тамъ этотъ знакъ является и для выраженія ѧ, такъ что не оказывалось различія между ѩ и ѧ. И нужно думать, что въ древнѣйшую пору глаголической письменности существовалъ одинъ знакъ для выраженія ѩ и ѧ, что сравнительно позже выработалось два начертанія, какъ дифференціація одного; на это ясно указываютъ и начертанія глаголическихъ ѩ и ѧ. Въ памятникахъ, какъ Зограф. Ев. и др., мы находимъ, что составители уже пользуются новой системой. Теперь, если на разбираемой страницѣ мы находимъ употребленіе ѩ такое, какое наблюдается въ памятникахъ передъ дифференціаціей начертанія, а затѣмъ употребленіе такого знака, который характеризуетъ періодъ дифференціаціи, при чемъ эти знаки употреблены не такъ, какъ мы привыкли ихъ видѣть, то, очевидно, здѣсь произошла уже путаница прежнихъ системъ. Для объясненія этого, намъ кажется, можетъ служить вторая страница даннаго листа: какъ увидимъ, она писана другимъ писцомъ, является продолженіемъ разбираемой страницы и по нѣкоторымъ особенностямъ, можно думать, писана съ одного и того же оригинала; и вотъ на этой страницѣ мы находимъ только ѩ и послѣ согласныхъ и послѣ гласныхъ, слѣдовательно, выдержана древнѣйшая система написанія. Поэтому съ увѣренностью можно предполагать, что ѧ внесено уже переписчикомъ, знавшимъ эту букву по позднѣйшимъ

памятникамъ и не чувствовавшимъ разницы между ѧ и ѩ или, можетъ быть, внесшимъ ѧ въ этомъ случаѣ безсознательно.

На этой страницѣ нѣтъ ж: мы видимъ здѣсь замѣну ж — оу, такъ: хвалоу. Изъ другихъ формъ обращаютъ на себя вниманіе особенно: вшѣхъ, модлитвами, прѣполовленіе, живоносѣниѣ, съмѣренимъ. Первая форма указываетъ на западно-славянское происхожденіе, именно чешское; вторая можетъ тоже говорить о чешскомъ происхожденіи; третья форма, съ l epentheticum, повидимому, удержана подъ вліяніемъ оригинала; четвертая можетъ указывать на измѣненіе окончанія ъи въ и подъ вліяніемъ нарѣчія переписчика; то же самое пятая, гдѣ мы видимъ стяженіе. Въ формѣ слѣпомоу — о также можетъ являться одной изъ особенностей, такъ какъ нѣтъ нужды думать (какъ думалъ Облакъ, Arch. f. sl. Ph. XV, 358), что о здѣсь недописанное оу.

I об.

1. сво їво хѣ възнесе сѧ
2. просв цѧ вшѣчьскаѣ:
3. СВѢ: НА ПѦНтътикости ⁘
4. Пѧнтътикостие стаѣ гръ
5. дѣт: вшѣи почьтѣмъ дхъ
6. стѣи: приде бо оумоудрѣѧ
7. апстолъи: сего при
8. мѣлъ вшѣи: ї поклони
9. мъ сѧ: емоу: ⏑ ⏑ СВѢТ
10. ИДЛѢНѦ: на розъсо: їѣи
11. Ѣко ветъхъи: ї новъи
12. ходатаї: прѣдътеч
13. е хвѣъ твоѫ: ѧдроѫ мо
14. длитвоу псъли намъ
15. хвалѧщимъ твое чѣ
16. стьное: бжьствьное ро
17. зъство: ⏑ ⏑ СВѢ: ѦПОСТ
18. ОЛѦ ПѢТРѦ: ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑
19. Область отъ бѣ примъша
20. стаѣ апостола прѣмоуд
21. раѣ · петре камени · вѣръ

22. павле миро҃ · оутвръжение
23. дъвоицею свѣтоносънаѣ
24. римска похвало: СВѢ: На
25. ПРѢСТАВЕНИЄ: БЦѢ: ˘ ˘ ˘
26. прѣстави сѧ отъ земѣ
27. на небеса мати бжиѣ.

Отдѣльныя замѣчанія къ строкамъ: 1—Шафарикъ дополняетъ: своѫ; относительно ї принимаемъ транскрипцію Шафарика, такъ какъ теперь неясно, ı или ї. 2 — очевидно просвѣць, какъ и дополняетъ Шафарикъ. 3 — въ написаніи слова пѣантѣтикости постепенный переходъ отъ большихъ буквъ къ строчнымъ. 10 — Шафарикъ дополняетъ а — їѣна, но остающееся разстояніе и остатки виднѣющейся буквы говорятъ о большемъ числѣ буквъ. 12 — у Шафарика невѣрно ѫодатаи. 22 — ѕ видны только остатки. 21 — вѣръ очевидно недописанное вѣръи.

На этой страницѣ мы видимъ также остатки прежняго письма. Около первыхъ строкъ сбоку замѣтны слѣды какой-то большой буквы, но только не а, какъ думалъ Шафарикъ. Ясны слѣды буквъ, трудно возстановляемыхъ, около 7—10 строкъ. Зато между 13—14 стр. совершенно ясны Въс и далѣе виднѣется и, при чемъ Б разрисовано. Сбоку 20—21 мы видимъ большое ѣ. Внизу подъ послѣдней строчкой видны неясные слѣды буквъ. Шафарику удалось прочесть: ѕгда прид. Тамъ же виднѣется слѣдъ какъ бы большого ь.

Такимъ образомъ, страница эта такой же палимпсестъ, какъ и предыдущая. Для характеристики стертаго письма особенно важно ясное написаніе Въси, гдѣ вычурная разрисовка буквы Б и неправильность въ написаніи (ъ вмѣсто ь) уже *отчасти* могутъ свидѣтельствовать, что письмо это не принадлежало къ раннимъ опытамъ глаголической письменности.

Самое поверхностное сравненіе первой и второй страницъ убѣждаетъ, что писаны онѣ разными лицами. Это убѣжденіе усилится, если мы обратимъ вниманіе на отдѣльныя буквы, на орѳографію и языкъ. Письмо второй страницы болѣе крупное и угловатое. Буква т пишется здѣсь иначе, чѣмъ на первой страницѣ: она не выдѣляется отъ другихъ буквъ, занимая по вертикальному направленію столько же мѣста, какъ и другія буквы, или незначительно меньше; ѕ — съ одной поперечной чертой, такимъ образомъ

здѣсь начертаніе несомнѣнно позднѣйшее; с пишется очень характерно: нижняя часть имѣетъ нѣсколько неправильную фигуру — линіи не сходятся часто и первая линія выступаетъ до верхней части, имѣющей приплюснутую фигуру; въ и верхняя треугольная часть доходитъ иногда концомъ до нижней полукруглости. Разницы въ другихъ буквахъ касаться не буду: она также выступаетъ ярко при сличеніи отдѣльныхъ начертаній. Изъ оригинальныхъ общихъ особенностей въ графикѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе сходство въ начертаніи оу: здѣсь оно также состоитъ изъ двухъ о, но уже болѣе слившихся, есть также оу (22 стр.), въ которомъ вторая часть съ добавочной черточкой, при чемъ есть черточка и между двумя составными частями этого начертанія, поставленная, очевидно, потому, что части эти случайно были написаны въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга. Сходство въ *характерѣ* начертаній оу 1 и 2-й страницъ (въ деталяхъ и этого начертанія замѣчается разница), мнѣ кажется, обусловлено свойствами оригинала, съ котораго былъ списанъ разсматриваемый памятникъ. На 2 стр. мы видимъ ж особой формы — верхнюю часть образуютъ не двѣ расходящіяся линіи, а одна съ горизонтальной поверхъ черточкой. То же мы видимъ и во 2-мъ Отрывкѣ, на первой же страницѣ 1-го Отрывка фигуры ж — не видно. Это начертаніе несомнѣнно представляетъ позднѣйшее видоизмѣненіе обыкновеннаго начертанія, возникшее путемъ сближенія сходившихся черточекъ.

Какъ и на 1-й стр., на 2-й нѣтъ і, есть и и ї, при чемъ послѣднее употреблено 5 разъ. Въ употребленіи 2 раза ї какъ союза соединительнаго, затѣмъ разъ въ їѕо я вижу остатокъ древнѣйшей графической системы. Не распространяюсь объ этомъ здѣсь, ссылаясь на болѣе подробныя указанія въ моемъ изслѣдованіи о Кіевскихъ глаголическихъ Листкахъ. Въ виду потери і, о примѣненіи этихъ правилъ къ разсматриваемому памятнику и говорить, конечно, нельзя; нѣчто подобное могло удержаться лишь по традиціи.

Употребленіе на 2-й стр. начертанія ѩ говоритъ также объ остаткѣ древней графической системы. Что ѩ не имѣлъ уже своего первоначальнаго звукового значенія, объ этомъ наглядно говорятъ написанія: **пѩнтъ-тикости и пѩнътикостіе.**

Замѣняя ж черезъ оу, памятникъ сохраняетъ начертаніе иж (твоиж ѣдроиж модлитвоу).

Хотя мы здѣсь и видимъ употребленіе ѣ, но ъ преобладаетъ; упо-

требленіе послѣдняго тамъ, гдѣ слѣдовало ставить ь, указываетъ, что разница въ слуховомъ отношеніи для писца не была ощутительна.

Встрѣчающееся сочетаніе ъи обозначало монофтонгъ. Въ примѣрахъ апстолъи, ветхъи, новъи, какъ и тъи 1 стр., разницы могло не быть, дѣйствительно, въ произношеніи ъи; въ этомъ случаѣ можетъ вызвать затрудненіе только омъи на 1 стр., но мы не знаемъ какая слѣдовала дальше буква въ текстѣ. Затѣмъ, можно думать, что одно и то же начертаніе могло обслуживать нѣсколько назначеній, вѣдь было же наоборотъ — для обозначенія одного и того же звука употреблялось нѣсколько начертаній (напр., ю — ѭ, ж — оу и пр.).

На этой страницѣ, кромѣ смягченія зубныхъ въ свистящія (просвѣць, хвалѧцимъ, розъство, оутверьзение), относятъ къ особенностямъ чешскаго извода: ѣшѣчьскаѣ, ѣши (ш вм. с), свѣтидлъна, модлитвоу (да), земѧ, прѣставенїе (отсутствіе l epentheticum), а также и ф. їѣн (т. е. іоанн).

Мнѣ кажется, что число послѣднихъ особенностей можно нѣсколько увеличить. Слово пѧнътикостие (далѣе стаѣ) указываетъ на свою первоначальную форму пѧнътикостиѣ (ꙗ), слѣдовательно здѣсь мы можемъ видѣть *законъ перегласовки* (а не ошибку, какъ думалъ Шафарикъ, 52). Постановка ѣ вм. е въ словѣ грѧдѣт могла бы быть отчасти относима къ названнымъ особенностямъ.

На 1 и 2 страницахъ мы видимъ употребленіе титла съ выносомъ и безъ выноса буквъ. Интересно, что титло выступаетъ здѣсь въ такихъ случаяхъ, какъ 1 стр. хѣ, бѣ, бъ, боу, дхм и вшѣх', ослѣпноуѣши или 2—хѣ, бѧ и ѣши, вшѣчьскаѣ. Сопоставляемъ это здѣсь потому, что видимъ опять извѣстнаго рода смѣсь древнихъ графическихъ пріемовъ и новыхъ. Особенно важно также одинаковое употребленіе титла въ такихъ случаяхъ, какъ вши, вшѣх', когда первый писецъ прибѣгалъ уже въ другихъ подобныхъ случаяхъ къ апострофу.

Къ какимъ же общимъ заключеніямъ можетъ привести насъ анализъ разсмотрѣннаго отрывка? Намъ кажется, что передъ двумя писцами былъ *одинъ* оригиналъ, что получившаяся разница въ графикѣ, орѳографіи и языкѣ страницъ зависѣла не отъ оригинала, а именно отъ переписывавшихъ. Первый писецъ, копируя подлинникъ и оставляя такія формы, какъ прѣполовленіе, свѣтил'на, уже внесъ модлитвами, вшѣх', второй пошелъ въ этомъ отношеніи еще дальше: свѣтидлъна, прѣставение и пр. При чемъ, замѣтимъ, ему приходилось, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже

не измѣнять написанное въ оригиналѣ, а раскрывать титла или дополнять: такъ, вѣдь, нѣсколько разъ попадается сокращенное свѣ (т. е. свѣтилна). И такъ какъ многія данныя приближаютъ разсмотрѣнный отрывокъ (какъ и другой) къ Кіевскимъ Листкамъ, то въ первоначальномъ оригиналѣ можно бы было предполагать нѣчто *подобное* этому послѣднему памятнику. Говоримъ въ «первоначальномъ», потому, что перепись могла совершаться нѣсколько разъ. Можно бы предположить, что I Пр. Отр. самъ представляетъ оригиналъ и что всѣ несходства 1 и 2 стр. объясняются переводомъ двухъ лицъ, но противъ такого предположенія многое говоритъ. Какимъ образомъ въ такомъ случаѣ могли бы сохраниться нѣкоторыя мелкія подробности древнѣйшей графики и орѳографіи, употребленныя при томъ несистематично, съ яв-нымъ указаніемъ на извѣстную традицію. Памятникъ же въ настоящемъ его видѣ мы можемъ отнести самое бо́льшее къ концу XII вѣка.

Въ названныхъ ранѣе изслѣдованіяхъ Бодянскаго, Срезневскаго, Шафарика приведены нѣкоторыя параллельныя мѣста къ Пражскимъ Отрывкамъ изъ другихъ др.-ц.-сл. памятниковъ. Позволимъ себѣ воспользоваться здѣсь этимъ матеріаломъ, необходимымъ для уясненія содержанія 1-й страницы.

Изъ Тріоди 1311 г.:

Ѡтъ живоносныхъ ти водъ стоуденець приснотекоущь христе почерпи ми щедроты да мі боудеть въ животъ ѩко вода текоущи источникъ человѣколюбче.

Изъ болгарскаго Апостола конца XII в.:

Прѣобрази сѧ на горѣ христе боже показа оученикомъ славѫ свож ѣкоже можахѫ· да всиѣѥть намь грѣшникомь свѣть истиньнь молитвами богородица свѣтодавче господи слава ти.

Изъ одной старопечатной книги:

Оумныѧ мои очи ѡслѣпленныѧ господи ѡтъ мрачнаго грѣха ты просвѣти вложивъ щедре смиреніѥ покаанїѧ ѡмыи слезами.

Изъ Сербскаго Типика XIV вѣка:

Възнесе сѧ въ славѣ христе боже нашь радость сътворь оученикомъ обѣтованиѥмь сватаго доуха извѣщаѧ имъ благословениѥмь ѩко ты кси сѣнъ божии избавитель мироу.

Изъ Цетинской Псалтыри 1495 г.:

Петра вѣрьнꙑ камень вѣрѣ похвалимъ нꙑнѣ и павла богомѫдрик. съзъваѭтъ во вьсѣхъ праздновати вѣрьно и прочеѩ ꙗко проповѣдьникꙑ вѣрѣ просѫще грѣхомъ оставленик.

(Всѣ приведенныя параллели имѣются въ трудѣ Шафарика; приводя ихъ, мы удаляли только сдѣланную издателемъ постановку знаковъ препинанія).

II.

1. :· *антифонъ*: ѳ̄ :·
2. а̄ :· *мъ*: ӣа̄ :· *гласъ* ѳ̄
3. · Овидоу мѧ ѣко пси мнозꙇ
4. оудариша тѧ цѣсарю ꙁа лани
5. тоу оударенимъ въпрашахѫ
6. тѧ и лъжесъвѣстоваѫоу:
7. *и* *б* ·: бъ̄ вънѣми :·
8. *нтифонъ*: ѳ̄: *псā*: ѣг̄ *гласъ* б̄:
9. *ппл* : вечери твоеи
10. х̄е оученикомъ твоимъ прозьвѣ
11. ваше единъ отъ васъ и прѣ
12. *да*стъ мѧ безаконънъи же
13. ⌐ю҃да⌝ не въсхотѣ разоумѣти :·
14. ѫ г̄ї обидѧц:
15. *фо̄нъ*: ѳ̄ :· *псā* :· к̄: *гласъ*: ѓ: *отъ*
16. *ппло и* :· Слово законопрѣстоу
17. пъно възложиша на мѧ тъи же
18. г̄и не остави мне нъ помилѫи нъи
19. *ѣдидлъна* *ласъ* и:·
20. Кѧѣ та къзнию҃до[1]) наоусти прѣ
21. дати спасъ ѣза лика апо
22. столъскаго тѧ отълоучи
23. ѣза дара цѣление тѧ лиши
24. ѣза съ онѣми вечерѣвъ *а*

1) Транскрибируемъ въ этомъ случаѣ согласно памятнику вмѣстѣ два слова, такъ какъ разъединеніе юдо (какъ у Шафарика) давало бы форму, на самомъ дѣлѣ не существовавшую.

II об.

трап
1. отриноуезъи отриноу: *еза*
2. онѣмъ нозѣ оумъивъ твои *прѣ*
3. зрѣ: ѡ колика блага непомъ
4. нѣ твоѣ *же* бесхвалънаѣ во
5. лѣ обличатъ тїа а того *не*
6. мѣрное м҃илосрьди *проповѣ*
7. стъ сн҃а и велиѣ м҃илости ⁘
8. Блаженна: гл҃асъ ⁘ : г҃:
9. Дрѣва ради адамъ *раѣ* бъстъ
ѣи
10. ⁘ иселъ дрѣвъмъ *же* крижъ
11. ⁘ нъмъ разбоиникъ и въ раи
12. ⁘ въседли сн҃а овъ бо вькоу
13. ⁘ шъ заповѣдъ̃ прѣстоупи съ
14. ⁘ творъшаго и а дроугъи пропн҃а
15. ⁘ тъ сн҃а б҃а тн҃а исповѣдаше тан҃а
а
16. ⁘ цаго сн҃а: помн҃ани мн҃а спсе егда
17. ⁘ придеши въ цѣсаръствие свое ⁘
18. Творъца законоу отъ оученика
19. коупиша правъдънаго и
20. ѣко безаконъникъ и пила
21. тови на соудшичи постави
22. ша въпъюце распъни мн҃анъ
23. *ною* насъицъшаго сиѣ въ поу
24. стънни мъи же правъдъ

Второй отрывокъ разлиневанъ (на 1 отрывкѣ линевки не видно — очевидно, писавшіе руководствовались слѣдами еще виднѣвшагося стертаго письма). Линевка дѣлалась надавливающимъ инструментомъ на одной сторонѣ, на другой выходили также черты, при чемъ вдавленныя линіи сохранили бѣловатый видъ, а на противуположной сторонѣ, будучи выпуклы, онѣ пожелтѣли. Нельзя сказать, чтобы писецъ строго придерживался разлиневки: буквы часто находятся между строками, но изъ общаго характера письма мы можемъ убѣдиться, что буквы пишутся подъ строкой, какъ бы висятъ, упираясь своими верхушками.

На этомъ отрывкѣ мы видимъ употребленіе краснаго чернила въ заглавныхъ строчкахъ. Чернило это на сохранившихся листахъ потемнѣло.

Изученіе палеографіи, орѳографіи и языка даннаго отрывка показываетъ, что писанъ онъ однимъ и тѣмъ же лицомъ и представляетъ собой также перепись съ болѣе древняго оригинала.

Титло употребляется здѣсь, какъ и въ 1 отрывкѣ, съ выносомъ и безъ выноса буквъ. Титло съ выносомъ буквы кругловатое, безъ выноса — въ большинствѣ случаевъ начертаніе выведенное также однимъ пріемомъ, линія нѣсколько изогнутая, съ утолщеніями на концахъ. Болѣе разнообразныя фигуры титла характеризуютъ обор. страницу 1 отрывка. Впрочемъ, во II отрывкѣ титло употребляется рѣже, въ чемъ виновато было содержаніе, а насколько свободно относился къ титлу писецъ, указываютъ примѣры съ выносомъ буквъ. Писецъ поставилъ подъ титломъ даже вязь мл въ словахъ милосръди, милости, написавъ ихъ какъ-бы млилости, млилосръди. Можетъ быть, здѣсь отразилось желаніе сократить слово и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно удержано правописаніе слова въ оригиналѣ.

Кромѣ титлъ, мы видимъ здѣсь еще значки надъ їюда — надъ ю и ѧ, а затѣмъ, какъ находимъ у Шафарика, былъ значекъ и надъ о въ ѧнтифонъ. Значки надъ ю и ѧ напоминаютъ намъ по формѣ древне-греческое придыханіе (густое), надъ о — греческое долгое удареніе. Постановка послѣдняго понятна, но употребленіе двухъ значковъ надъ ю и ѧ — нѣсколько загадочно. Въ одной рукописи X в., приводимой у Монфокона, мнѣ удалось подмѣтить удареніе, подобное значку надъ ѧ, т. е. нѣсколько наклоненное начертаніе придыханія. Затѣмъ, можетъ быть, это было неудачное изображеніе тупого ударенія, при чемъ, конечно, первоначальное греческое удареніе (надъ ου) могло быть перенесено. Если такимъ образомъ значекъ надъ ѧ является удареніемъ, то передъ ю — придыханіе. Мы ожидали бы видѣть его надъ ї. И тутъ возможны слѣдующія предположенія: или онъ перенесенъ ошибочно или надъ ї также долженъ былъ быть значекъ, но онъ опущенъ. Эти мелочи очень важны. По нашему мнѣнію, онѣ могли бы свидѣтельствовать о большей или меньшей древности, такъ какъ отмѣтка придыханіемъ гласной послѣ гласной (не одной только начальной) относится уже къ позднѣйшему времени. И мнѣ кажется вѣроятнѣе первое предположеніе. Писецъ, не отдававшій уже себѣ отчета въ этомъ значкѣ, но считавшій его почему-то принадлежностью этого иностраннаго слова, свободно могъ его переставить. И если наше предположеніе вѣрно, то полу-

чается любопытная аналогія съ данными Кіевскихъ Листковъ. Въ послѣднихъ надъ ї употребляется густое придыханіе, т. е. начертаніе, какое находимъ надъ ѡ въ разсматриваемомъ отрывкѣ. Такимъ образомъ въ послѣднемъ сохраняются въ этомъ случаѣ слѣды прошлаго. Шафарикъ также обратилъ вниманіе на эти значки, но онъ остановился на нихъ очень бѣгло: онъ, замѣчая ихъ близость къ придыханіямъ греческимъ, видѣлъ въ нихъ Tonzeichen. Наша точка зрѣнія такимъ образомъ отличается нѣсколько отъ мнѣнія Шафарика. И самъ значекъ надъ ѡ на таблицѣ у Шафарика изображенъ нѣсколько неточно.

Въ употребленіи междустрочныхъ значковъ мы замѣчаемъ разницу между I и II отрывками. На 1 стр. I отрывка мы видимъ употребленіе двухъ точекъ, въ концѣ извѣстнаго отдѣла 2 точки и рядъ изогнутыхъ линій. То же на 2-й стр., при чемъ употребляются 1, 3, 4 точки (3 и 4 точки только по разу). Во II отрывкѣ изогнутыхъ линій уже нѣтъ. На ряду съ 2 точками часто три точки, при чемъ постановка иная, чѣмъ въ I отрывкѣ. Употребленіе междустрочныхъ значковъ въ II отрывкѣ не такъ часто и иногда этихъ значковъ нѣтъ тамъ, гдѣ мы свободно могли бы ихъ ожидать.

Характеръ буквенныхъ начертаній II и II об. одинаковъ. Письмо въ общемъ угловатое, некрасивое. ѳ пишется съ двумя поперечными линіями, нижняя выходитъ за полукруглость и имѣетъ загибъ; ж — такое же, какъ и въ I, имѣетъ въ верхней части одну вертикальную линію, наверху ея горизонтальная; ї пишется съ нѣсколько расширенной нижней частью, такъ что яснѣе, что это ї, а не і; ѣ сохраняетъ древнѣйшій видъ, въ начертаніи этой буквы поражаетъ особенно угловатость. Кружки въ л обыкновенно не сливаются; то же можно сказать объ ъ и о; т пишется менѣе другихъ, но ш уже сравнялось. Двѣ части оу пишутся раздѣльно и вторая часть имѣетъ продолженіе закругленія за черту; написанія ж и л нѣсколько упрощены — здѣсь нѣтъ уже округленія въ серединѣ, а ихъ замѣняетъ продолженіе 2-хъ поперечныхъ линій.

Во II отрывкѣ мы видимъ употребленіе только ъ, а ь отсутствуетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ъ пропускается. Сходства такимъ образомъ здѣсь мы не находимъ вполнѣ ни съ I, ни съ I об. Мы встрѣчаемъ такіе примѣры: мнози, пси, безаконънъи, законопрестоупъно, апостолъскаго и пр., гдѣ пропущены глухіе звуки или выступаетъ ъ вм. ь. И намъ понятно, какимъ образомъ могли возникнуть подобныя написанія съ однимъ только ъ. Если мы предположимъ, что передъ писцомъ-чехомъ находился оригиналъ,

подобный I об., съ рѣдкимъ сравнительно употребленіемъ ь, то послѣдній знакъ могъ совсѣмъ ассимилироваться съ ъ, потому что разница между ними для писца не была ощутительна.

Носовыя гласныя во II отрывкѣ, наряду съ случаями правильнаго употребленія (мѧ, тѧ, въпрашахѫ и пр.), замѣняются чистыми гласными и сами ихъ замѣняютъ. Отсутствуетъ только ѭ, замѣняемый ю (напр., въпъюце). Такимъ образомъ ѫ—оу: овидоу, ланитоу и наоборотъ: помилѫи; а — ѧ, ѣ: оудариша, сиѣ и наоборотъ: мѧнѣноую.

Въ формѣ та (каѣ та...) вм. тѧ Шафарикъ и Облакъ видѣли указаніе на вліяніе словацкаго нарѣчія, гдѣ t'a. Но все же t'a вовсе не равно та, съ одной стороны, а, съ другой, какъ мы уже сказали, возможно здѣсь осмысленіе этого слова въ связи съ къзни. Здѣсь такимъ образомъ мы не можемъ усмотрѣть «словацизма», какъ не усматриваемъ и «болгаризма» въ ѫ II.14, исправляемомъ въ тѫ (см. выше). Какъ я отмѣчалъ, для ѧ и ѭ употребляется одинъ буквенный знакъ.

Какъ и въ I отрывкѣ, смягченныя зубныя переходятъ въ свистящія (здѣсь только т + j — ц): овидѭц, таѭцаго, въпъюце, насъницъшаго; замѣчаемъ также отсутствіе l epenth.: проѣвѣваше; — вставку д передъ л: сѣдидлъна, въседли, но все же иселенъ. Кромѣ того важны въ соединеніи съ другими признаками, указывающими на чешское вліяніе: форма соудшичи, гдѣ шч вм. шт; оударенимъ, милосръди, гдѣ я вижу стяженныя формы (а не ошибки, какъ думалъ Шафарикъ); мнѣ (хотя эта форма попадается довольно часто въ Синайской Псалтыри); ѣза, напоминающее древнечешское aza (аза); въ формѣ цѣленіе (род. п.) я вижу также не ошибку (Шафарикъ), а *перегласовку*.

Мы находимъ здѣсь употребленіе формы древняго винительнаго пад.: прѣдати спасъ, безаконъникъ. Трудно видѣть въ окончаніи къзни, милости сохраненіе первоначальныхъ предполагаемыхъ формъ, скорѣе здѣсь сказалось вліяніе писавшаго.

Въ склоненіи прилагательныхъ и причастій мы видимъ неполныя формы. Форму твор. п. крижънъмъ (дрѣвъмъ) можно поставить въ параллель съ рѣдкимъ окончаніемъ твор. п. существительныхъ на о—ъмь, попадающимся въ древне-ц.-сл. памятникахъ.

Изъ глагольныхъ формъ отмѣчаемъ здѣсь употребленіе аориста: оударишѧ и др.; преходящаго времени: проѣвѣваше, въпрашахѫ и др.

Въ формѣ **обличатъ** мы видимъ простой пропускъ **є**, какъ пропущены буквы въ **бъстъ** или въ I отрывкѣ — **бжьствьное**; или, можетъ быть, и здѣсь отразились особенности говора писца. Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ никакого «болгаризма», какъ нѣтъ его въ употребленіи слова **распъни**, потому что слово это было, вѣроятно, дублетомъ къ **пропѧти** уже въ древнѣйшую пору. Потому-то здѣсь мы и встрѣчаемъ то и другое.

Общій характеръ даннаго отрывка показываетъ, что послѣдній также представляетъ изъ себя перепись. Объ этомъ особенно говорятъ невѣрно переписанныя слова, каковы упомянутыя уже съ вязью **мл**, затѣмъ на той же стр. 1, 8, 13 строчки. Трудно, напримѣръ, объяснить иначе возникновеніе такого написанія, какъ **отъриноуѣзъи** съ поправкой наверху.

У Срезневскаго (въ упомянутыхъ трудахъ) мы находимъ довольно близкія параллельныя мѣста изъ Постнаго Стихираря XI—XII в. Новгородской Софійской библіотеки (съ разночтеніями изъ Саввы Грьцина начала XIII в. той же библіотеки).

Замѣтимъ также, что въ извѣстномъ Синайскомъ Требникѣ находится начало одного изъ мѣстъ (156 стр. изд. Гейтлера).

Наблюденія надъ I и II Пражскими Отрывками говорятъ о сильномъ вліяніи чешскаго языка на эти памятники, особенно замѣтномъ на II-мъ отрывкѣ. Отрывки эти несомнѣнно переписаны съ оригиналовъ, принадлежавшихъ къ одной палеографической школѣ—объ этомъ говорятъ нѣкоторые палеографическіе пріемы, удержанные по традиціи. Причина разницы, наблюдаемой между I и II отрывкомъ, лежитъ въ основѣ дальнѣйшихъ переписокъ. И если между двумя страницами перваго отрывка замѣчается много отличій, происходившихъ отъ отношенія писцовъ къ оригиналу, то нѣтъ ничего удивительнаго въ разницѣ между этими страницами и II отрывкомъ. Онъ могъ быть такимъ образомъ переписанъ въ томъ же мѣстѣ и въ то же или почти то же время. Затѣмъ, то сходство, которое обнаруживается и во II отрывкѣ съ Кіевскими Листками въ языкѣ и палеографіи, заставляетъ насъ считать возможнымъ, что *первоначальнымъ* оригиналомъ, легшимъ въ основу дальнѣйшихъ переписокъ, давшихъ Пражскіе Отрывки, были памятники, принадлежащіе къ той же группѣ, какъ и Кіевскіе Листки, или близко подходящіе къ этой группѣ [1]).

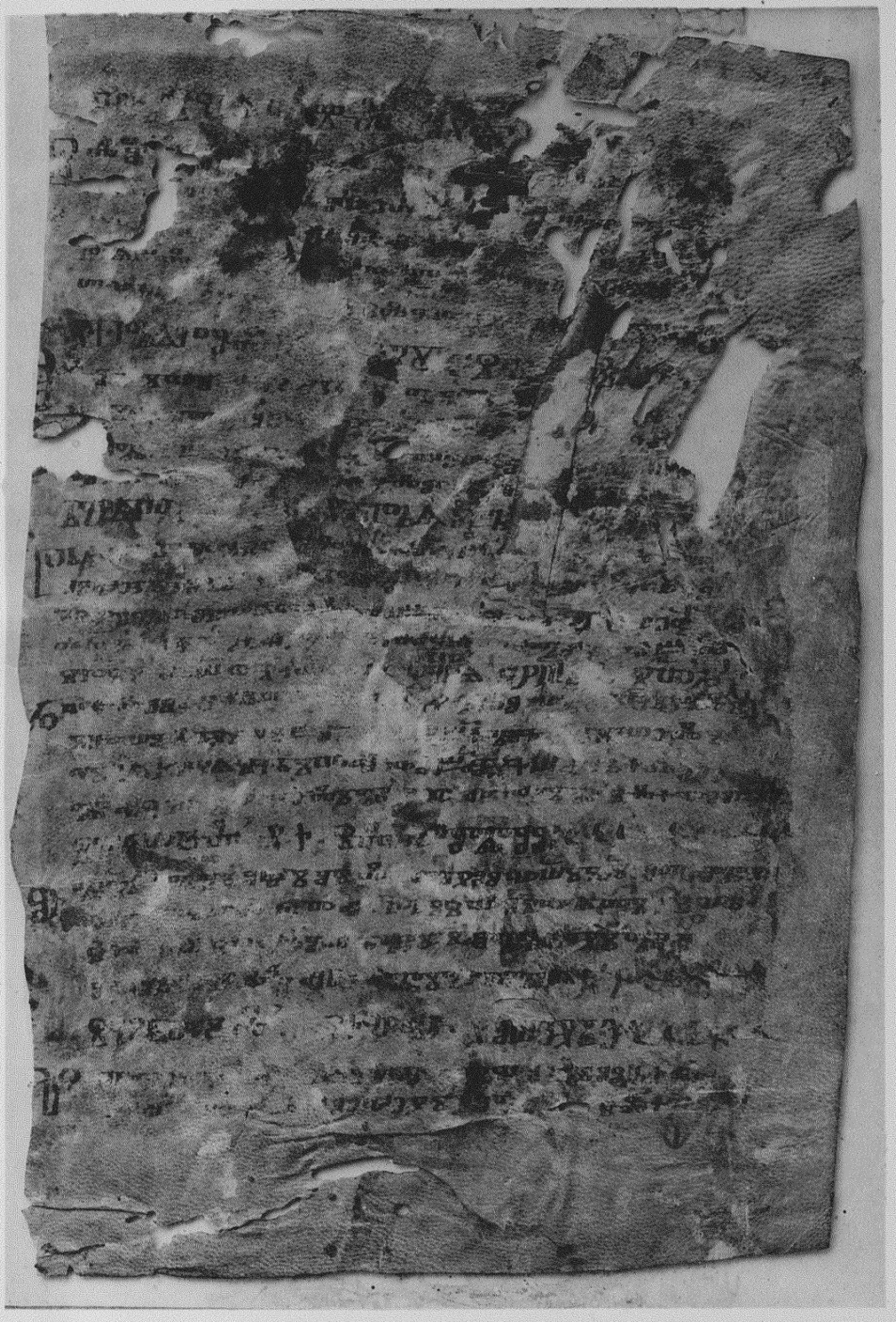
2 августа 1904 г. Харьковъ.

1) Здѣсь я долженъ сдѣлать небольшое дополненіе къ 1-й главѣ относительно новаго изслѣдованія проф. Вондрака, вышедшаго въ то время, когда моя статья была уже въ ака-

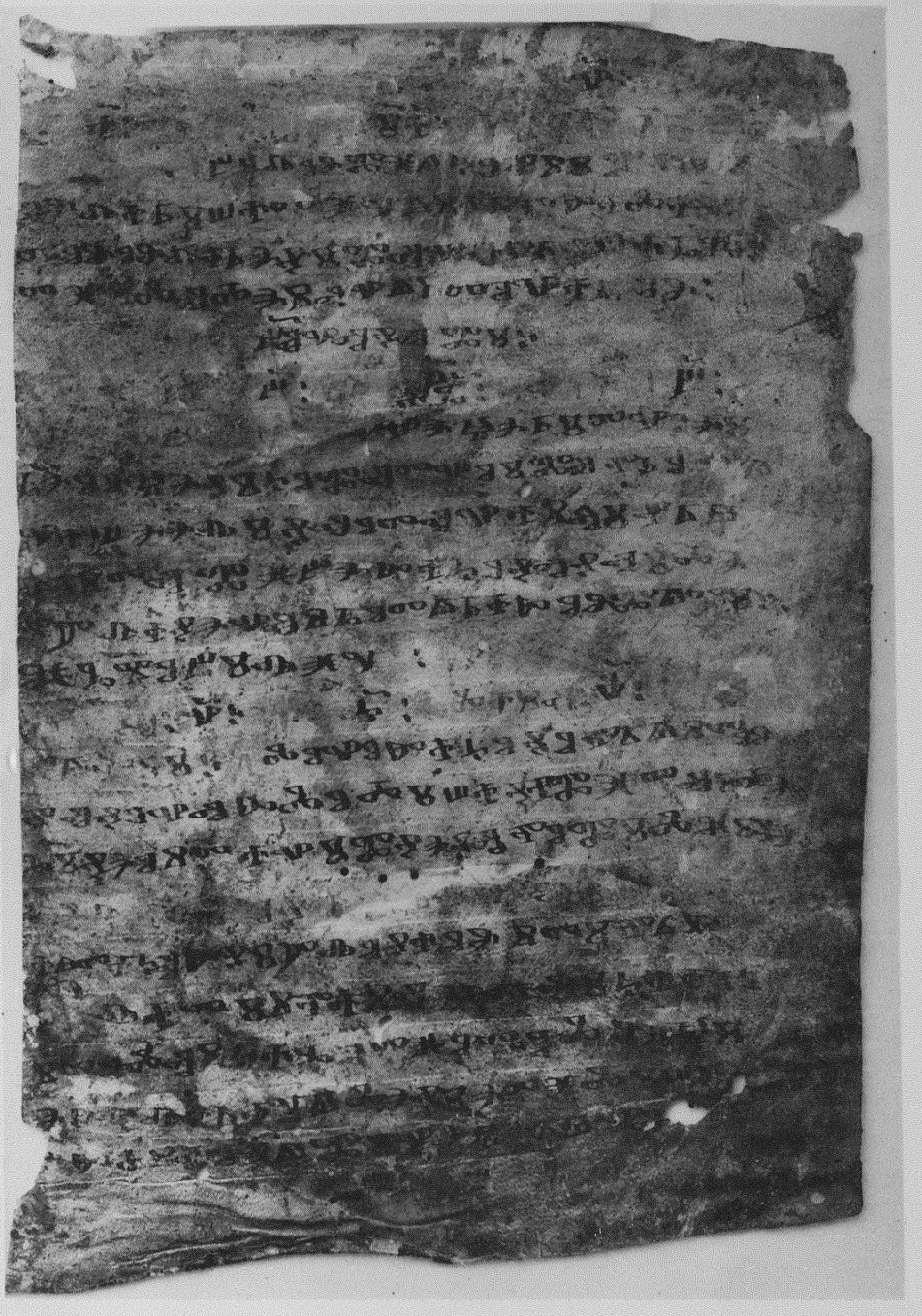
демической типографіи. Prof. Dr. V. Vondrák, O původu kijevských listů a pražských zlomků a o bohemismech v starších církevněslov. památkách vůbec. V Praze 1904.

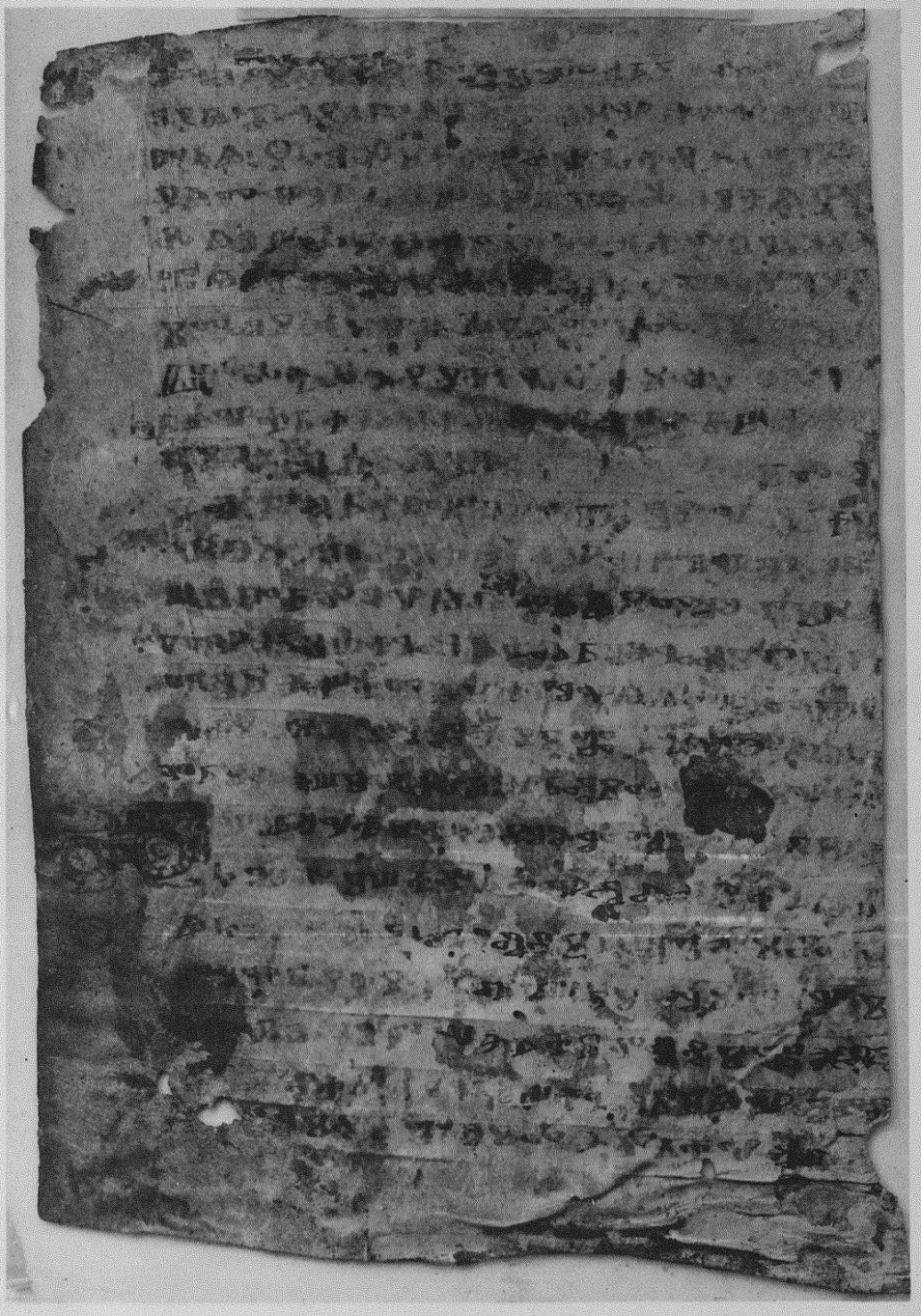
Въ новомъ трудѣ проф. Вондрака есть нѣкоторыя частныя наблюденія, сходныя съ тѣми, которыя высказывались раньше мною. Самъ Вондракъ ссылается на мои устныя сообщенія, хотя, къ сожалѣнію, неполно и неточно. Укажу въ этомъ случаѣ особенно на 1 вып. моей работы о Кіевскихъ Листкахъ, напечатанный въ 1903 г. и прочитанный ранѣе въ Славянской Семинаріи при Вѣнскомъ Университетѣ, затѣмъ на остальные выпуски 2—3, напечатанные въ 1904 г. Съ другой стороны, указаніе на все мое изслѣдованіе о Кіевскихъ Листкахъ избавляетъ меня отъ необходимости разбирать теоріи Вондрака и выяснять, что я расхожусь съ нимъ совершенно во многихъ вопросахъ и въ методѣ ихъ разработки. Послѣднее я долженъ сказать и относительно изслѣдованія проф. Вондрака Пражскихъ Отрывковъ. Повторяя свои прежнія доказательства (изъ Altsl. Studien) о болгарской основѣ отрывковъ и опровергая возможность основы болгаро-русской, Вондракъ теперь относитъ эти памятники, вопреки прежнимъ своимъ мнѣніямъ, къ XI столѣтію и къ Сазавскому монастырю. И доказательствами являются собственно начертанія глухихъ и историческія упоминанія о существованіи въ XI столѣтіи въ Сазавскомъ монастырѣ славянскаго богослуженія! И изъ этихъ слишкомъ поспѣшныхъ и слабо мотивированныхъ заключеній идутъ у Вондрака другія заключенія о восточномъ обрядѣ и глаголицѣ въ Сазавскомъ монастырѣ. Палеографическій анализъ, произведенный Вондракомъ, Пражскихъ Отрывковъ порознь (при чемъ совершенно невѣрно 1 отрывокъ считается позднѣйшимъ) и въ сравненіи съ Кіевскими Листками (при чемъ изслѣдователь находится подъ вліяніемъ мысли о необходимости разъединить эти памятники), мнѣ кажется прямо-таки невозможнымъ: нѣкоторыя своеобразныя особенности писцовъ считаются типическими древнѣйшими чертами, и наоборотъ—древнѣйшія по всѣмъ даннымъ особенности считаются признаками позднѣйшаго времени. При трудѣ Вондрака приложены хорошіе снимки съ Пражскихъ Отрывковъ, но транскрипцію ихъ нельзя одобрить. Жаль, что изслѣдователь не работалъ надъ рукописями Пражскихъ Отрывковъ (какъ и надъ Кіевскими Листками). Транскрипція сдѣлана собственно по Шафарику, но во 1-хъ допущены нѣкоторыя ошибки, не бывшія въ изданіи Шафарика, во 2-хъ не исправлены нѣкоторые недочеты Шафариковской транскрипціи (особенно насчетъ междустрочныхъ значковъ) и въ 3-хъ нѣкоторыя сдѣланныя поправки совершенно невѣрны (имѣю въ виду особенно поправки ъ въ ь—28 I A и 19 II B, что̀ вмѣняетъ себѣ Вондракъ въ заслугу, а между тѣмъ даже на снимкахъ, не говоря уже о рукописи, видны характерные признаки ъ).

I.



Библиотека ООН
Женева





Библиотека ООН
Красная Наука СССР